

ГОРЬКИЙ В РИГЕ

Отрывки из документов, писем и воспоминаний

Латышский народ с громадной любовью хранит память о пребывании А. М. Горького в Риге в 1905 году.

После «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года А. М. Горький написал обращение «Ко всем русским гражданам и обществу мнению европейских государств». В этом воззвании Горький прямо называл Николая II главным виновником дикой расправы над мирным шествием рабочих. Спасаясь от преследований царской охраны, Горький 10 января 1905 года выехал в Ригу. В секретной телеграмме, отправленной Петербургским охранным отделением на имя начальника Лифляндского губернского жандармского управления, давалось следующее распоряжение:

Рига. Начальнику губернского жандармского управления. Безотлагательно общите Алексея Пешкова (Горького), препроводите арестованного со всем отобранным Петербург, охранное отделение. Подполковник Кременецкий.

Исполняя предписание петербургской охраны, начальник Лифляндского жандармского управления Волков в день получения телеграммы — 11 января 1905 года — написал:

Помощнику моему в г. Риге, ротмистру Балабину. Вследствие телеграммы начальника Петербургского охранного отделения предписываю вам немедленно произвести на основании 29 ст. «Положения о государственной охране» обыск у помещанина Алексея Пешкова (Горького), а затем арестовать его, препроводить в тюрьму до отправления в г. Петербург.

В тот же день в 1 час 15 минут дня на квартиру Горького в Риге нагрянула жандармерия. Вот что пишет в своих воспоминаниях об этом режиссер Марджанишвили:

После 9 января М. Горький привез из Питера в Ригу часть реликвий после расстрела рабочих. К нему нагрянули жандармы, но во время обыска старый слуга Марии Федоровны (Андреевой) успел бро-

силь в печь все реликвии, и в том числе красное знамя, кажется, Выборгского района. «Видите красоты неприкосновенности жилища?» — сказал М. Горький. Долго, нудно тянулся обыск. Горький был спокоен.

Режиссер Марджанишвили отправился в грузинское землячество Рижского политехникума, собрал студентов и вместе с ними кинулся «отбивать» М. Горького. Напоровались на казачий отряд, студенты попали под нагайки и были вынуждены отступить. 11 января А. М. Горький был арестован в Риге и в 3 часа 30 минут начальник Рижского исправительного арестачьего отделения писал:

Присланный при постановлении ротмистра Балабина от 11 января 1905 года помещанин Алексей Максимов Пешков в Рижском исправительно-арестантском отделении принят в 3 часа 20 минут 11 января 1905 г.

Везти Алексея Максимовича жандармское управление решило через Псков Лифляндская жандармерия писала:

Начальнику Псковского губернского жандармского управления. Препроводя при сем политического арестованного Алексея Максимовича Пешкова (писателя Горького) с пакетом за № 194 и запечатанным тюком, прошу отправить его под надлежащим конвоем в распоряжение начальника С.-Петербургского охранного отделения и в приеме его выдать конвоирам унтер-офицерам вверенного мне управления Ивану Улесюрь и Антону Аболину установленную квитанцию.

12 января 1905 года Горький был доставлен в Петербург и водворен в камеру № 39 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Передовые демократические круги России и Западной Европы ответили на арест любимого писателя протестами, митингами и демонстрациями. 14 февраля Горький был освобожден впрямь до суда под залог 10 тысяч рублей и под чуждым надзором полицейских агентов был направлен в Ригу. В

«Деле секретного архива Рижского полицеймейстера о Алексее Максимовиче Пешкове», хранящемся в Центральном государственном архиве Латвийской ССР, имеются документы об организации полицейского надзора над Горьким. Среди них имеется выданный писателю пропуск следующего содержания:

Настоящий пропуск выдан писателю Алексею Максимовичу Пешкову для следования в гор. Ригу с тем, чтобы по прибытии по назначению он немедленно явился в местное полицейское управление. Документы г. Пешкова будут препровождены Рижскому полицеймейстеру. В чем удостоверется подписью с приложением казенной печати.

17 февраля 1905 года отделение по охране общественной безопасности и порядка в столице петербургского градоначальника посылает рижскому полицеймейстеру секретный документ следующего содержания:

Привлеченный при С.-Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению в государственном преступлении, сын нижегородского цехового Алексей Максимов Пешков, согласно постановления названного жандармского управления, отдан под денежный залог в сумме десять тысяч рублей с восприемлением зательства в пределах С.-Петербургского генерал-губернаторства и выбыл из С.-Петербурга 14 сего февраля в гор. Ригу. Об изложенном охранное отделение уведомляет Ваше высокоблагородие для сведения, присовокупляя, что названный Пешков в избрании места жительства, за исключением запрещенных ему местностей, не ограничен. За начальника отделения помощник его, ротмистр Модль.

В следующем документе от 21 февраля 1905 года начальник Лифляндского губернского жандармского управления полковник Волков просит рижского полицеймейстера сообщить ему, «прибыли ли в гор. Ригу сын нижегородского цехового Алексей Максимов Пешков» и в утвердительном случае предлагает «установить за ним негласное наблюдение».

На следующий день после приезда в Ригу Горький писал К. П. Пятницкому, вместе с которым руководил издательством «Знание»:

Жить мы будем, по всей вероятности, — на станции Вильдерлингоф — Рига-Тукумской дороги, но пишете — Рига, коммерческая гостиница, на имя Маруси (М. Ф. Андреевой). Чуете? Доехали мы вполне благополучно, под надежной охраной солидного человека с большим носом и рябым лицом, проводившего нас до Риги. Здесь, в гостинице, нам дали пару внимательных соседей, тайно образующих надзор за нашим поведением и животноворящих собою мудрость властей. Вообще — все идет хорошо, обычно и привычно. Пропуск, выданный охранкой, я отправил местному начальнику полиции с письмом, в котором извещаю, что, вот, мол, приехал, но ответа от него не получил никакого. Жду. К морю поедем завтра, а сегодня отдохнем здесь. Пока о приезде нашем никому ничего не известно... Мы — здесь инкогнито и предполагаем остаться в этом положении сколько будет возможно.

Несколькими днями позже А. М. Горький писал К. П. Пятницкому со Взморья:

Здесь хорошо. Сосны, море, тишина. Удивительная любезность и внимание хозяйки пансиона — она встретила нас, как родных, сейчас же выписала мне все рижские и питерские газеты и заявила, что, если явится полиция, — она швырнет ее вон.

А вот что мы читаем в письме А. М. Горького Е. П. Пешковой, отправленном с Рижского взморья 27 или 28 февраля:

Ехать в Ригу, мой друг, мне было нельзя, ибо там и по сей день беспокройно, — ведь в Риге с публично обращались не менее серьезно, чем в Питере, до сей поры похоронено около 300 и, как говорят сведущие люди, свыше 400 раненых лежат в больницах, на квартирах и в тюрьмах. В силу этого — настроение в городе приподнято, одни хотят мстить, другие ожидают возмездия, все настороже.

В письме А. М. Горького Е. П. Пешковой из Риги от 12 или 13 марта 1905 года говорится:

Здесь творятся дела в высокой степени значительные — всюду крестьянские беспорядки. Латыши, эсты, литовцы, — удивительно интересный и разумный народ, — нужно видеть, что они делают, чтобы поверить, как они серьезно и стойко добиваются своей цели.

20 марта Горький выехал из Риги в Москву, откуда направился в Ялту.